

A woman with long brown hair, wearing a red hooded cloak over a green dress, stands in a forest. She holds two glowing, double-bladed axes. The forest background is ethereal, with blue and yellow light filtering through the trees. In the foreground, a brown and grey wolf sits looking towards the viewer.

АНА САКРУ
ВОЛЧИЙ ОГОНЬ

18+

Ана Сакру
Волчий огонь
Серия «Мир будущего.
Оборотни», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67792904

SelfPub; 2022

Аннотация

Каждые сто лун высшие из Волчьей Конфедерации устраивают для себя кровавое шоу – отправляют сто девушек на Араю, планету-тюрьму для своих собратьев-оборотней. Этих девушек называют Жертвенной сотней. Потому что для них – это верная смерть. Тысячи одичалых волков-заключенных ведут на них охоту. Преследуют, настигают и, истосковавшиеся по женщине, замучивают до смерти. Я – Дина, жительница поработанной планеты Земля, признанная негодной для размножения и потому выбранная в Жертвенную сотню. У меня есть только один шанс спастись. За двадцать девять арайских лун добраться до Огня на Волчьей горе. Один шанс. И я его не упущу.

Содержание

1.	5
2.	22
3.	27
4.	49
5.	55
6.	64
Конец ознакомительного фрагмента.	77

**Ана Сакру
Волчий огонь**

1.

– Девяноста третья, пошла!

Конвоир, дородный потный волк, грубо подталкивает меня к транспортной капсуле. По инерции я делаю несколько неуклюжих шагов и протягиваю руки старшему охраннику. Он с равнодушным видом отточенным движением отщелкивает наручники на моих запястьях. Тут же потираю покрасневшую, содранную кожу, пока волк быстро пробегается по списку на своем планшете.

– Так, оружие на выбор? – задает стандартный вопрос, не поднимая головы.

– Перочинный ножик и топорик из кивайского сплава.

Желтые глаза волка отрываются от планшета и мажут по мне с вялым, тут же угасающим интересом. Почти все девушки до меня выбирали арбалет...

– Бонусный предмет? – спрашивает волк дальше, ставя галку в своем списке и кивая стоящему позади охраннику, который тут же начинает собирать мне рюкзак.

– Огниво.

Еще галочка.

Ежусь, наблюдая за ним. Меня потихоньку все сильнее пробивает крупная дрожь. Еще пара вопросов, и я исчезну в транспортной капсуле вслед за другими девяноста двумя де-

вушками. Меня спустят в густые непроходимые леса Арай, единственного искусственно созданного материка на одноименной планете – океане. Планете – тюрьме для высших волков.

И обратной дороги не будет.

Конечно, нам, жертвенной сотне, обещают, что мы выживем, если доберемся до Огня.

Вот только уже тридцать лет никто не добирался...

Арая... Говорят, она прекрасна своими лесами так же, как жестока своими обитателями – одичавшими волками, сосланными туда за преступления перед Конфедерацией. Арая. Моя верная смерть.

– Сух пай? – продолжает ставить галочки волк.

– Номер два, – отвечаю я, сглатывая подкатившую от охватывающего страха горечь.

– Аптечка?

– Восьмая.

Волк кивает и ставит подпись в планшете. Протягивает его мне.

– Вот здесь прижми палец.

Тыкаю, куда указали, оставляя свой отпечаток. Проступающий светящийся след тут же трансформируется в мой личный штрих. Дина Кострова. Двадцать три года. Вид: гуманоид. Планета происхождения: Земля. Статус: негодна.

Мне протягивают собранный рюкзак и бордово-красный плащ с глубоким капюшоном. Ладони влажнеют, когда каса-

юсь тяжелой мягкой ткани. Пальцы невольно гладят тонкие бархатистые ворсинки на внутренней стороне плаща.

Символ моей скорой гибели и одновременно мой главный шанс выжить – всё в этом простом, почти старинном предмете одежды.

Это для человеческого глаза плащ насыщенно, кроваво-красный. Для волка он бесцветный почти. Особая, специально созданная ткань. Если удачно завернуться в него, спрятаться, занять позицию против ветра, то...

То есть хотя бы маленький шанс, что дикие вервульфы не учуют меня, и я смогу продолжить свой путь к Огню, зажённому в центре материка на Волчьей горе.

Огню, который будет гореть лишь двадцать девять лун. Огню, являющимся порталом в тот мир, откуда ты родом. Упадешь в него и очутишься дома, уже навсегда свободная от гнета волков. Тебя будут славить как Выжившую и делают неприкасаемой. Ты получишь всё... Вот только шансов почти нет дойти до этого Огня.

С пробирающим насквозь трепетом я крепко завязываю тесемки плаща на шее. Рюкзак пока оставляю в руках. Как только окажусь на Арае – надо будет первым делом выхватить нож и топор, не тратя время на то, чтобы снять сумку со спины. Любое неверное, непродуманное действие, любое лишнее движение, и в следующую секунду тебе, возможно, уже не о чем будет жалеть.

Старший охранник застегивает обруч-датчик на моей

шее. Благодаря этому маячку с орбитальных спутников волки будут следить за мной. Жертвенная сотня – любимое шоу для высших из межпланетной Конфедерации – им интересно смотреть, как именно мы погибаем.

Провожу ледяными пальцами по тонкому металлу, пока еще почти незаметно стягивающему горло. Гладкий, холодный, линии стыка нет... Говорят, если что, с помощью этого обруча нас можно убить...

Старший охранник отступает от меня и равнодушно кивает на следующую девушку. Девяносто четвертую. За моей спиной вновь оживает конвоир – тот самый дородный потный волк. Он снова болезненно толкает меня в спину, заставляя буквально залететь в открытую транспортную капсулу.

– Пошла!

Я спотыкаюсь о бортик и чудом не валюсь на пол, успев выставить руки вперед и схватиться за одну из металлических стенок телепорта. Оборачиваюсь, желая высказать волку, что думаю о нем, но двери капсулы уже смыкаются передо мной, отрезая от корабля и волков.

Сигнальные лампы на потолке вспыхивают зеленым, стены начинают кружиться, и меня пронзает короткая вспышка боли, когда тело распадается на атомы, чтобы через несколько мучительных мгновений вновь собраться уже на поверхности загадочной Арай, на которой мне суждено умереть.

Перед глазами плывет после телепорта, в ушах оглушаю-

ще звенит, любой шорох доносится будто издалека. Я пытаюсь быстро встать и не могу. Ноги не держат. Изображение двоится и скачет, никак не желая вырисовываться в четкую картинку. Животная паника накрывает. Зарываюсь пальцами в сырую влажную землю, упав на четвереньки. Чувствую траву под ладонями, почву, забивающуюся под ногти... Что-то реальное, почти земное...

Сердце колотится где-то в горле, вкус пульсирующей крови на языке. И я ползу, ползу, ползу... Кажется, впереди кусты, укрытие. Всё так нечетко. Надо уйти с открытого пространства, уйти...

Добираюсь до сплошного темно-зеленого пятна. Ветки хлещут по лицу, дергают за волосы, вытягивая их из тугого хвоста на затылке. Но я только ускоряюсь, пока полностью не оказываюсь в колючем высоком кустарнике. Только там валюсь на спину, тяжело дыша. С трудом достаю из-под себя плащ и пытаюсь завернуться в него как в кокон. Прижимаю к груди рюкзак, торопливо расстёгиваю дрожащими пальцами боковой карман и достаю ножик.

Так, хорошо... Уже хорошо...

Стараюсь дышать тише, прислушиваясь. Смотрю вверх на алое небо чужого мира и смыкающийся высокий кустарник над головой. Потихоньку небосвод перестаёт кружиться, ветки приобретают четкие очертания, я могу разглядеть острые трехлисты, коричневые ягоды и толстые короткие шипы. Звон в ушах проходит, и его заменяет мерное жужжание

каких-то насекомых, шелест травы и редкие трели птиц. Замираю, напряженно вслушиваясь в дыхание этого места.

Кажется, я одна... От накрывающего облегчения даже подташнивает.

Здесь никого нет...

Говорят, нас, девушек из Жертвенной сотни, специально стараются выкинуть в места, где поблизости нет вервульфов, чтобы мы не погибали сразу. Только пятерым из сотни не везёт – их телепортируют прямо рядом с чьим-нибудь логовом. Ведь в день открытия высокородным зрителям хочется эффектной драмы и крови. И больше всего я боялась оказаться среди этой пятерки.

Но, кажется, нет. Пронесло... Пока пронесло.

Дыхание выравнивается окончательно, легкие наполняются незнакомыми чуждыми запахами. От более насыщенного кислородом, чем на Земле, воздуха немного кружится голова. Стараюсь умерить сердцебиение. Пока не привыкну к здешней атмосфере, лучше не делать резких движений, не бегать, дышать поверхностно. Иначе буду пьянеть от кислорода и не смогу трезво оценивать мир вокруг.

Полежав в кустах по моим ощущениям еще минут пять, медленно приподнимаюсь, чтобы осмотреться и понять, куда же меня занесло. По левую руку луг, сколько хватает глаз, уже слегка пожухлый под оранжевым солнцем Араи. И много-много алых цветов, так похожих на земные маки. Словно кровью окропили жёлто-зелёную густую траву. Содрога-

юсь от этой мысли и поворачиваю голову вправо, где чернеет неприступной стеной лес, дремучий, беспросветный даже на своей окраине, пугающий до вставших дыбом волосков на руках.

Невольно сглатываю – мне туда...

Потому что, хоть вервульфы и делают себе логово вот в таких вот лесах, но идти по открытому полю – еще более верная смерть.

И еще потому, что вдалеке, за лесом, где-то на самом горизонте неясным голубым силуэтом возвышается Волчья гора – сердце маленького искусственного материка – тюрьмы. Я пока не вижу Огня. Говорят, когда спустят на Араю всю сотню, он заполыхает так, что его видно будет с любой точки. Пока нет...

Оглядевшись, я снова ныряю в кусты. Переворачиваюсь на живот, накрываюсь плащом, пряча голову и волосы от надоедливых коротких шипов на ветках и начинаю медленно-медленно ползти к кромке леса.

Мне везет, и кустарник не очень густой, но все равно ветки предательски скрипят, то и дело ломаясь, и тогда я застываю на несколько секунд, переводя дух. Сердце опять начинает колотиться, стараюсь вбирать меньше густого, пропитанного разнотравьем воздуха – он так пьянит. Желание встать в полный рост и просто побежать всё сильнее. Но пока разум побеждает, и я продолжаю незаметно ползти. Надо добраться до леса. Там, в чаще, я уже смогу нормально ид-

ти. Подползаю всё ближе, вздрагивая от любого шороха. По спине начинает струиться липкий пот, и я готова взвыть от досады. Это резкий запах, сильный... Заметят. Пытаюсь по-лучше укрыться плащом, постоянно поправляю его, отчего двигаюсь еще медленней.

Добравшись до первых высоких деревьев, напоминающих наши сосны, все равно продолжаю ползти, пользуясь густым здесь пролеском. Пока прямые солнечные лучи не перестают меня доставать.

Так странно...

Буквально пара метров, и я оказываюсь во влажном сумраке векового леса, хотя еще рукой могу, кажется, достать луговые травы, оставшиеся позади.

Здесь всё по- другому: запахи, звуки. И ещё пугающая глубокая тишина... Нет жужжания, шелеста, хруста. Мягкий мох гасит даже мои собственные движения. Подползаю к толстому стволу одного из деревьев и сажусь, озираясь по сторонам. Отсюда уже голубой горы вдаль не видно – верхушки деревьев до самого небосвода. Как ориентироваться, а?

Может надо было взять компас? Некоторые из девочек брали, но я решила, что важнее возможность развести костёр. Постепенно я привыкаю к звукам леса, более приглушенным и осторожным, начинаю различать их, почти улавливаю ритм...

И вдруг звук оглушающего взрыва закладывает уши и за-

ставляет меня резко вскочить на ноги. Сердце от испуга колотится как безумное. Я, вжавшись лопатками в шершавый ствол, в панике верчу головой, стараясь понять, что это было, как глаза слепит огромный световой столб вдалеке, уходящий, кажется, за самую атмосферу. Смотреть долго на этот мощный луч невозможно – он ярче Земного солнца. И чудится, что я даже чувствую исходящий от луча невероятный жар.

Огонь...

Завораживающее и одновременно жуткое зрелище. Символ могущества волков загорелся. Вся Жертвенная сотня прибыла на материк. И компас здесь, и правда, не нужен. Кажется, этот огненный столп и ночью будет способен здесь всё осветить. И если я хочу вернуться домой, мне нужно туда.

Я медленно отрываюсь от ствола и углубляюсь в лесную чащу, идя на свет пугающего луча, бьющего из самого сердца Волчьей горы.

По лесу идти морально во сто крат проще. Кажется, что если ты вокруг не видишь ни черта, то и тебя заметить не так-то просто. Да, это самообман, но я ему поддаюсь. Распрямляю плечи и двигаюсь почти в полный рост, стараясь ступать всё так же осторожно. Внимательно слежу за тем, чтобы под ногами был мягкий местный мох. Он быстро принимает обратную форму и не хрустит так, как нечаянно сломанная вет-

ка. Деревья не трогаю лишний раз, обхожу кустарники – всё, чтобы как можно меньше где остался мой запах. Конечно, если вервильф возьмёт след, это не поможет, но я не собираюсь упрощать ему задачу.

Время идет, и оранжевое солнце ползёт всё ближе к зениту. Начинает припекать, несмотря на сомкнутые кроны над моей головой, душно... Лес оживает, нагреваясь, начинает жужжать злой, кусачей мошкаррой. И всё, о чем я молюсь, чтобы та не была ядовита. Как бы я не отмахивалась, а уже через полчаса открытые участки кожи покрываются зудящими микроскопическими волдырями. Поплотнее натягиваю капюшон плаща на глаза, мешающий хвост собираю в низкий пучок, судорожно пытаюсь натянуть перчатки до самых локтей – кофт нам не дали... Под плащом еще жарче и идти сквозь лес тяжело, но я все бреду и бреду, то и дело вскидывая голову, чтобы посмотреть на свой ориентир – пылающий столп Огня, уходящего в небо. Останавливаюсь лишь тогда, когда собственное дыхание кажется мне слишком шумным и перекрывает пульс, бьющий в ушах. Пытаюсь выровнять его, оперев руки в колени и согнувшись пополам, а затем снова иду.

Я прекрасно понимаю, что разумнее бы было наверно не изводить себя так в первые же часы, но пока что меня гонит адреналин и страх и я не вижу ни одного хоть сколько-нибудь безопасного места.

А еще вода...

Одежда давно противно облепила тело. Стопы горят в армейских высоких ботинках и распухший язык пристаёт к небу – так хочется пить...

Вода...

Мне необходимо найти ее источник. У меня с собой только пустая надувная фляга в рюкзаке. Если в ближайшие сутки-двое я не наткнусь на какой-нибудь ручей, то меня может ждать смерть и пострашнее, чем в объятиях обезумевшего от запаха самки вервувльфа. Там хотя бы быстро. Говорят...

Хруст откуда слева, едва уловимый, но я сразу застываю. Сердце пропускает удар и вместо крови по венам хлещет животный страх. Размыкаю губы и кошусь в сторону звука, не рискуя повернуть голову. Глаз улавливает движение между ветвей, черный бок... Во рту собирается паническая горечь. Не могу разглядеть за толстыми стволами и кустарником. Только, кажется, что еще одна черная тень поменьше.

Этот кто-то не один?

Но ведь вервувльфы за сотней специально охотятся по одиночке...

Медленно -медленно поворачиваюсь в сторону пришельцев и чуть не оседаю на мох от облегчения. Это какие-то лесные травоядные, не волки... Похожи на наших пятнистых оленей, только хвосты как у лошадей и три маленьких острых как шило рога на голове. И глаза темно-красные навыкате. По всей видимости самка и подросший малыш – уже почти с неё ростом, только тонконогий, вертлявый, неуклю-

жий. Видно, что молодой.

Меня не замечают или не чувствуют опасности. Спокойно поедают коричневые ягоды с колючих кустарников своими мягкими губами. Потом мать вскидывает голову, прядает ушами, и они медленно уходят от меня. Я смотрю животным вслед пару секунд, а затем начинаю тихо красться за ними. Есть ничтожная вероятность, что местные олени выведут меня к воде.

Мать поначалу настороженно то и дело замирает, чувствуя преследование, шумно втягивает воздух, вертит головой, но потом, поняв, что я не несу угрозы, расслабляется и спокойно идет вперед, ведя за собой своё дитя. Стараюсь ступать тихо, хотя это всё сложнее – приходится держать темп, чтобы не отстать от них. Поломанные ветки все чаще предательски скрипят под ботинками, больно ударяя по натянутым нервам. Холодный липкий пот струится вдоль позвоночника, собирается на висках и верхней губы, оставляя солоноватый привкус на языке. Дыхание сбивается окончательно, но уже не остановиться – меня гонит азарт.

Вдруг и правда выведут к воде. Еще несколько метров, и я уже почти бегу за черными трехрогими оленями, чувствуя, как сухим жаром распирает грудь. Вдруг мать резко останавливается, замирает, будто вслушиваясь, и стремительно виляет вбок, а за ней и детеныш.

Они так быстро исчезают, что я тоже моментально торможу, ошалело моргая. Словно привиделись мне. Раз и нет.

Только качание потревоженных кустов, за которыми они скрылись, говорит о том, что я не сошла с ума.

От разочарования хочется в голос застонать, но до моего слуха долетает характерное журчание, от которого сердце вновь тревожно и сладко замирает в надежде. Крадучись, иду на звук, аккуратно ступая по покрытой прошлогодней листвой земле. Журчание всё громче, с губ срывается хриплый радостный всхлип. Уже и сквозь расступающиеся передо мной деревья я могу видеть серебристую гладь довольно широкого лесного ручья. Не выдерживаю и тихо вскрикиваю от облегчения, а затем, забыв обо всем, бросаюсь к воде.

Прозрачной, божественно ледяной, такой сладкой...

Набираю полную горсть в ладони, громко пью, захлебываясь, плескаю в горящее лицо, протираю шею, руки, снова пью, опустив лицо в ладони...

Мне кажется, что то, как относительно легко я нашла чистую воду – знак. Что у меня есть шанс. Шанс выжить...

За производимым мной самой шумом я с трудом различаю утробное низкое рычание напротив. Острый укол беспокойства пронизывает нутро, но эйфория не отступает сразу. Я просто затихаю и медленно поднимаю глаза, отрывая лицо от ладоней.

И натыкаюсь на янтарный, светящийся моей смертью взгляд звериных глаз...

Волк. На том берегу ручья. Огромный. Скалится, рыча. В ничтожной паре метров от меня.

Время останавливается. Мир расплывается неясным зеленым-охровым пятном. Нет ничего кроме звериных глаз напротив. Так близко, что я могу разглядеть в них каждую крапинку и свое отражение... Волк рычит громче, скаля огромные желтые клыки, и в этом рыке мне слышится его триумф. Тело разбивает слабостью, от осознания, что я ничего не могу сделать этой громадной зверюге, но правая рука все равно инстинктивно нащупает брошенный в гальку ножик. Пальцы судорожно сжимают рукоять. Волк даже не смотрит. Только в глаза.

Я пячусь, оставаясь на корточках. Хотя "пячусь" – это громко сказано. Просто едва заметно подаюсь корпусом назад, шаркнув ботинком по гальке. Тихий скрежещущий звук трения, но он будто подрывает всё вокруг. Волк клацает зубами, рычит и прыгает прямо на меня через двухметровый ручей, трансформируясь в полете.

Все так быстро, что не успеваю ничего разглядеть и с трудом осознаю происходящее, но валит на гальку у ручья меня уже не зверь, а огромный полностью голый мужчина. Больно ударяюсь головой о плоский камень, отчего в ушах стоит звон. Из легких, придавленных его грузным телом, вылетает воздух. Массивная пятерня сжимает мне горло, другая уже рвет вниз штаны. В развилку между ног упирается вставший, толкающийся вперед член и по щеке проходится широкий

шершавый язык, оставляя вонючий слюнявый след.

От прошивающего насквозь омерзения во мне будто щелкает что-то. Впрыснувший в кровь адреналин закладывает уши и придает сил. Выворачиваюсь в каком-то невероятном движении, и высвобожденной левой рукой толкаю оборотня в лоб, убирая подальше от своего лица, а правой коротко размахиваюсь и всаживаю ему ножик под ребра. Неглубоко, лезвие слишком короткое, а вервульф такой плотный и мускулистый, что ощущение, будто пытаешься не живую плоть порвать, а разрезать шину, но волк все равно взывает и на мгновение ослабляет хват, отстраняясь, чтобы уставится на торчащий из бока нож и ало-черную струю, побежавшую по бедрам.

Я пячусь, сначала ползя, потом вскакиваю на ноги, путаясь в чертовой плаще, разворачиваюсь и со всей силы мчусь к лесной чаще. Это безумие, у меня нет шансов, но я не могу просто так сдаться. Просто не могу. Мир вокруг трясется от моего тяжелого бега и от бешеного сердечного ритма, грохочущего, кажется в каждой клетке. Так громко, что я с трудом различаю разъяренный рык за спиной, а затем меня прошивает невероятная режущая боль, когда вервульф, снова обернувшийся волком, валит меня с разбегу всей своей огромной тушей на камни и впивается зубами в плечо.

Истошно ору, чувствуя, как он рвет мясо, правую руку будто засунули в костер. Все нервные окончания начинаю сходить с ума. Запах собственной крови перемешивается с

воню из пасти зверя, оставляя на языке тошнотворный металлический привкус. Волк отпускает разорванное плечо и тяжело дышит около моего уха, вывалив язык и карая слюной. Прикусывает щеку, отчего меня пронзает ужасом, что сейчас он вцепится прямо мне в лицо...

А потом вдруг, жалобно взвизгнув, отлетает от меня. Еще один рык над моей головой, более низкий и хриплый. Я кошусь вправо, и вижу еще одного вервульфа, еще больше. Странного, рыже-шоколадного окраса. Он скалит свои огромные клыки и, низко опустив морду, идет на пятящегося от него первого волка. Тот уже вскочил, поджал хвост, но все равно щерит окровавленные зубы, не желая так просто уступить.

Сознание уплывает. Меня мутит. Боль красными вспышками расцветает перед глазами. Шоколадный волк небрежно переступает через меня, оттесняя противника. Тот прижимается к земле, готовясь к прыжку. Я поворачиваю голову в сторону леса. Может быть сейчас уползти, убежать, пока дерутся. Пытаюсь сдвинуться в сторону от волков. Но силы вытекают из меня вместе с толчками убегающей кровью из рваной глубокой раны. Я преодолеваю меньше метра ползком, а перед глазами уже совсем темно, и реальность кружится, ускользая.

Сзади рыки, визг, звуки вырываемой шерсти, ударов, хруст поломанных веток. Быстрый кровавый бой. Но какая мне разница, кто победит.

Я-то уже проиграла. У меня просто нет сил. Мама, прости меня...Прости...

Переворачиваюсь на спину, понимая, что это конец. Устремляю гаснущий взгляд на розовое небо чужого мира. Оно все темнее и темнее, словно улетает вдаль от меня. И когда картинка уже почти совсем меркнет, вижу подошедшего ко мне мужчину. Голого, могучего, с разодранной когтями грудью и бедром, с суровым янтарным взглядом, прожигающим меня насквозь. Его лицо я вижу совсем смутно, но...

Другой...

Победил другой волк. Я закрываю глаза, отключаясь, и все становится неважно.

2.

Из плотной, обволакивающей черноты меня вытягивает боль. Она пронзает плечо глубоко застрявшей стрелой, отдаётся онемением в правой руке, дергает нервные окончания.

Протяжно, хрипло стону, пытаюсь разлепить тяжелые веки. Сухие губы касаются какой-то соломы, она же лезет в нос, царапает кожу лица. Пытаюсь перевернуться с живота на спину или хотя бы приподнять в голову, но неожиданно чья-то горячая ладонь ложится мне на лопатки и пригвождает к месту.

– Лежи, – отрывисто и хрипло на общем языке.

Сердце уходит в пятки. Адреналин впрыскивается в кровь лошадиной дозой, и я широко распахиваю глаза.

Темно, запах сырости и сладковато-пряной гнилой листвы, будто я в погребе. Тепло, влажно и душно. Глаза потихоньку привыкают к сумраку... Различаю бревенчатые стены, щели, забитые мхом, утоптаный земляной пол.

Дальше не разглядываю, потому что всё моё внимание переключается на обладателя ладони, вжимающей меня в соломенную подстилку. Пытаюсь повернуть голову, чтобы его хоть немного видеть, но широкая сухая ладонь перемещается на мой затылок и не дает. Хватает за волосы и впечатывает в прелую солому. От резкого движения плечо тут же сводит

болью, и перед глазами плывет мутный кровавый туман. Я чуть шевелю рукой и понимаю, что все предплечье туго перемотано какими-то тряпками, отчего, видимо, так и немеют пальцы.

– Я...– хриплю ломким слабым голосом на общем языке, – Пу..пустите...

Ответом мне служит тихий насмешливый рык, похожий на урчанье. Рядом с левым виском в солому упирается мощный кулак со сбитыми костяшками, и невидимый волк наваливается сверху, вдавливаясь бедрами в мой зад.

Накрывает мощной волной паники, потому что сквозь муть в голове я понимаю, что ниже пояса я голая. От этого открытия пульс начинает оглушающе долбить в висках, и все тело прошибает потом.

– Нет...нет...пожалуйста...– пытаюсь дернуться, но он такой тяжелый.

Даже не навалившись полностью, обездвиживает меня. Только наклоняется ниже и предупреждающе рычит у самого уха, опалая влажным дыханием. Висок царапают выступившие клыки. Меня парализует от страха. Из горла вырывается сдавленный вскрик. Жмурюсь, трясясь, и чувствую, как ресницы начинают слипаться от выступающих слёз.

Дыхание волка учащается, становится тяжелым и шумным, то и дело срываясь на короткий рык. Его правая рука с выступившими звериными когтями нетерпеливо вдавливаются в мое бедро, больно полосуюя кожу, оттягивает ягодицу.

Твердый, горячий член требовательно давит на сухой вход. Так, что все мышцы между ног немеют от боли. Зверь зло рычит, продолжая давить. Я срываюсь в рыдания.

– Не надо-о-о! Не-е-ет...

Волк раздраженно дергает меня за волосы, приподнимая и заставляя на него обернуться. И я с ужасом кошусь на скалящегося вервульфа. Его облик плывет на грани трансформации, человеческие черты наверно достаточно красивого лица размыты проступающим зверем. Зрелище, от которого стынет кровь. Из моего горла вырывается судорожное рыдание.

– Смотр-р-ри в глаза, – рычит волк глухо, – смотр-р-ри-и-и...

Он прижимается лбом к моему. И я не вижу больше ничего, кроме его двоящихся, полностью звериных сейчас глаз, полностью затопленных золотым янтарем. Завораживающих, гипнотических, уносящих куда-то в другое измерение. Мир исчезает, я словно тону в этом янтарном море. Подстраиваюсь под хриплое, надсадное дыхание вервульфа, перенимаю его. Пропитываюсь его жгучей похотью, которая ядом растекается по венам. Когти снова впиваются в мою ягодицу, но это вдруг не больно. Вернее, больно, но и сладко так, что тело само выгибается навстречу бедрам волка, приподнимая задницу, а с моих губ слетает чувственный вздох. Волк довольно урчит что-то, перехватывает меня за шею, чтобы удержать голову и не дать мне отвести взгляд. Ше-

роховатым ребром ладони проводит по сочащимся смазкой, набухшим половым губам, проверяя. И приставляет член.

На мгновение меня выбивает из гипнотического дурмана. Слишком туго, стенки лона будто истончаются от натяжения. Дыхание застревает в горле плотным комком. Но янтарные глаза так близко, и в них столько животного удовольствия, что оно вливается и в меня. Член толкается глубже, и, кажется, я ощущаю каждую перевивающего его венку. Мое тело мелко дрожит словно в лихорадке. Волк с рыком отступает и толкается еще раз. И еще, и еще, разрывая пополам.

Я скулю под ним, сгорая, оглушенная влажными шлепками сталкивающихся тел. Бедро начинает пылать от впивающихся в мясо когтей. Всего несколько секунд, и он отпускает мою голову, перестав смотреть в глаза. Вместо этого прижимается губами у основания шеи и чувствительно прихватывает клыками покрытую испариной кожу. Вжимается бедрами в меня, входя до конца. И я чувствую, как его тяжелое, жаркое тело содрогается в коротком, болезненном экстазе. В лоне становится нестерпимо горячо и очень мокро. Слезы снова текут рекой из моих глаз. Безмолвные и горько-сладкие от охватившего облегчения.

Всё. Всё кончилось...Быстро.

Волк тяжело поднимается с меня. Чувствую, как его сперма медленно вытекает. Противно до дурноты...И ещё в плече опять начинает тикать тупая, навязчивая боль. Вервульф садится на карточки рядом. Снова за волосы приподнимает

мою голову.

– Спи, – приказывает мужчина отрывисто, смотря прямо в глаза.

Его взгляд до сих пор звериный, гипнотизирующий меня. И я подчиняюсь. Плотно смыкаю веки.

3.

Когда прихожу в себя в следующий раз, первым делом затаиваю дыхание, а потом стараюсь сделать его таким же мерным и глубоким, как во сне. Прислушиваюсь. Страшно... Вдоль позвоночника собираются мурашки. Вокруг тихо. Так тихо, что я слышу, как шебуршит прелая солома под мной, когда я делаю вдох и выдох. Кажется, я даже звук падающих пылинок могу различить. Особое, не с чем не сравнимое ощущение пустой комнаты.

Медленно открываю глаза.

В землянке царит всё тот же глубокий полумрак, и только пробивающиеся из дыр в потолке – настиле лучи, говорят о том, что на улице сейчас день. Пахнет сыростью, сладковатой гнилой листвой, почвой и зверем...

Здесь всё пропитано им. У оборотней особый запах – ничего общего с противной псиной, несущей от обычных волков. Вербульфы пахнут почти, как человек, только сильнее агрессивнее, горше. В зависимости от вашей генетической совместимости этот запах будет либо раздражать до тошноты, либо действовать как легкий наркотик... Потому что тело не обманешь – оно чует идеального для него партнера. И, хотя, у людей не существует парности, предрасположенность к определенному генетическому коду никто не отменял.

Я втягиваю воздух глубоко в легкие и с накатывающим ужасом осознаю, что запах этого волка мне нравится. Он щекочет ноздри, отдается горьковатой терпкостью на языке, вызывая выделение слюны, и горячим трепетом оседает внизу живота. Я ему подхожу. Может поэтому он притащил меня сюда, а не убил в лесу сразу? И даже плечо перевязал...

Я кошусь не перевязанную какими-то тряпками рану. С виду они такие грязные и ветхие, что, кажется, волк сделал только хуже. Но я не могу не заметить, что дергающая боль, отдающая до самых кончиков пальцев, прошла, оставляя лишь тупое онемение и легкий сухой жар, разливающийся по телу. Аккуратно дотрагиваюсь до места укуса и тут же убираю руку. Пока еще болит даже при легком нажатии. Снимать повязку и смотреть, что там, не хочется. Позже...

Вместо этого, я медленно сажусь на соломе, морщась от прострелившей боли в руке из-за движения, и озираюсь по сторонам дальше. Окон в землянке нет, пол вырыт в почве почти на полметра вниз. Одна стена тоже земляная и немного утопленная, из чего я делаю вывод, что укрытие построено у подножия какой-то насыпи или холма. Остальные стены сложены из плохо отесанных, огромных бревен и щедро проложены мхом и травой. Крыша – настил из того же мха и соломы, скашивается вниз от земляной стены к противоположной, и в районе маленькой неприметной двери опускается так низко, что даже мне придется пригнуться, чтобы не задеть ее головой. Несколько бревен – столбов служат под-

порками всей этой нехитрой конструкции.

Мебели в землянке нет...

У дальней стены только отведено место для очага – вырыта яма под костер, вкопаны палки – рогатки, а рядом лежит большая отполированная доска, видимо, служащая столом. По другую сторону от доски, подальше от костровой ямы, настелена все та же солома с валяющимися на ней шкурами. Кажется, это шкуры тех оленей, что я видела у ручья. Видимо, это спальня хозяина...

У другой стены стоит грубо сколоченный, огромный то ли ящик, то ли сундук, рядом с ним высокая, вполне добротная бочка – вот и всё убранство.

И все же, несмотря на всю свою убогость, это жилище меня радует. Волк, владеющим им, явно еще помнит, что такое – быть в человеческом обличие. Иначе, как зверю, это все было бы ему не надо...

А, значит, он не до конца одичал.

Значит, можно попробовать... Хотя бы попробовать с ним договориться. О чем именно я собираюсь с ним договариваться – я пока слабо представляла. Но сама возможность диалога, хотя и призрачная пока, радовала.

Интересно, где он? Скоро вернется? Может, попробовать убежать???

Я, кряхтя, попыталась встать, и тут же рухнула обратно из-за сильного головокружения. Тело прошибло потом и вязкой слабостью. Приложила здоровую руку ко лбу. Похоже, у ме-

ня все-таки не легкий жар...

Нет, сбежать я сейчас не смогу. Да и какой смысл, если за стенами этой землянки рыщут другие волки, и далеко не каждый из них озаботится тем, чтобы оттащить меня к себе, уж не говоря о том, чтобы попытаться сделать перевязку. Изнасилует там же, где найдет, и разорвет после, чтобы никому другому не досталась...

Как бы дико это не звучало – здесь и сейчас для меня самое безопасное место. О том, что произошло между мной и этим зверем, когда я очнулась в первый раз, я старательно пыталась не думать. Это неизбежность. Я ничего не могла и не могу изменить. И он...не был жесток.

На Вальдене, планете – столице Волчьей Конфедерации, откуда меня депортировали сюда, разве не так же по сути со мной поступали? Поруганная честь...Я давно забыла – что это. Осталось только желание выжить любой ценой. Выбраться.

Сделав глубокий вдох и длинный выдох, чтобы прогнать накатившую дурноту, я делаю вторую попытку подняться. Здесь, где настелена моя солома, потолок выше, и я спокойно встаю в полный рост. Во рту скребет от сухости, и первым делом я слабыми шагами, опираясь о стену, бреду к бочке, которая оказывается наполнена вполне чистой с виду водой. При виде нее во рту появляется вязкая слюна. Потрескавшиеся губы дрожат в нетерпеливой полуулыбке.

Правая рука плохо двигается, при малейшей попытке от-

даваясь пульсирующей болью от кончиков пальцев до основания шеи, и потому я черпаю из бочки только левой ладонью, обливаясь прохладной, сладкой водой, стекающей по подбородку. Напившись, протираю пылающий лоб, шею, грудь и замираю, слыша, как скрипит открывающаяся дверь.

Сердце уходит в пятки, но животный ужас быстро сменяется опасливой настороженностью, потому что на пороге показывается огромный шоколадный волк с окровавленной тушкой какой-то большой птицы в зубах. Янтарные звериные глаза тут же впиваются в меня, словно пытаются пригвоздить к полу. Волк медленно, не отводя взгляд, выплевывает птицу. Тихо рычит, скаля белые клыки, и начинает рвать, трансформируясь в человека.

Какие-то секунды и вот уже с четверенек вместо волка поднимается огромный смуглый мужчина, продолжающий тяжело смотреть на меня. Опускаю глаза, потому что прямой взгляд он может принять за вызов. И потому что...он абсолютно голый. Нет, я давно избавилась от излишней девичьей стеснительности, и всё же именно этот вервильф меня пугает. Я редко встречала таких крупных самцов, как в образе зверя, так и человека. И его намерения...Если ему просто нужна пара, я переживу, но ведь на Арае женщины не выживают, а значит...Вопрос лишь в том, когда и почему именно он захочет меня убить. Может быть...Прямо сейчас?

Я мечу в волка настороженный взгляд, полосую им его суровое лицо с крупными чертами, отмечаю почему-то брови вразлет, недовольно сдвинутые к широкой переносице. Мажу по могучему развороту плеч, рельефному животу, покрытому старыми и не очень шрамами, затормаживаюсь на крепких бедрах, темных жестких волосах у него в паху и покачивающемся расслабленном члене, кусаю сухие от жара губы и вновь топлю глаза в пол. Он и правда большой... везде. Впрочем, то, как до сих пор немного тянет у меня между ног после него, не позволяло в этом сомневаться.

– Как зовут? – его низкий рычащий голос словно заставляет дрожать всё пространство вокруг, и я тоже крупно вздрагиваю.

Снова кошусь на вервульфа, стараясь делать это незаметно и не поднимать ресниц. За эти несколько мгновений он уже успел подойти к грубо сколоченному ящику в углу и начать что-то там искать, стоя ко мне спиной. От левой лопатки до правой ягодицы через всю спину у него широкий белый рубец...

– Дина, – отвечаю ломким голосом, откашлявшись, чтобы прочистить пересохшее горло.

Мужчина кидает на меня косой короткий взгляд и снова отворачивается.

– Землянка? – достает из ящика военные штаны от формы Волчьей конфедерации. Старые и выцветшие, все в заплатках. Когда я присматриваюсь к этим заплатам, мне становится

дурно, потому что они сделаны из ткани, из которой шьют одежду для Жертвенной сотни. Из ткани, которая сейчас на мне...

– Да, – глухо отвечаю на его вопрос, впиваясь ослабевшими пальцами в бочку перед собой.

Действительно, мертвым ведь не нужна больше одежда. Интересно, зачем она здесь волкам? Тем временем вервульф натягивает штаны и снова поворачивается ко мне, застегивая ширинку.

– Как плечо, землянка? – с хищной ухмылкой интересуется, чуть склонив голову набок и сверля меня своими янтарными, почти человеческими сейчас глазами.

Я поднимаю на него опасливый взгляд. Если пожалуюсь, он меня что...спишет???

– Хорошо, – вру я.

– Значит, справишься, – кивает мужчина в сторону валяющейся на пороге птицы, – Разделявать умеешь?

– Я... – сглатываю, думая, как я умудрюсь это сделать одной левой рукой, – ...да.

– Ну, – фыркает волк снисходительно, скользя по мне внимательным, въедливым взглядом, – Приступай тогда... Дина.

Отодвигает ящик, под которым оказывается небольшой вырытый схрон, достает оттуда топор и, подхватив его, выходит из хижины.

Стоит только двери за волком захлопнуться, как я, не выдерживая больше, медленно сползаю на пол. К горлу под-

катывает дурнота от слабости, тело изнутри горит и мелко, противно колотит. Еще и жта тикающая боль в плече всё сильнее с каждой минутой. Невыносимо. Но показать, как мне плохо на самом деле, страшно... Зачем я ему, больная? Слабая? Надо перетерпеть.

Чуть посидев с закрытыми глазами и кое-как справившись с дурнотой, я поднимаюсь и бреду к валяющейся у двери птице. С легким отвращением поднимаю еще теплую тушу. Во рту собирается желчь, мысль о еде сейчас только выбивает из меня липкую испарину. Но делать нечего... Не откажешься же от столь щедрого подарка...

Поозиравшись по сторонам, решаю, что чистить птицу здесь – плохая затея, и выхожу из хижины. За дверью меня встречает непролазная чаща. Густой лес стоит такой плотной стеной, что не видно даже на пару метров вперед. И в то же время почти нет травы, один мох да гнилая листва под ногами. Деревья высокие и толстые, лысые до середины и пышные наверху, почти полностью закрывают оранжевое уставшее солнце этого мира. И лишь стол священного Огня виден вдалеке.

Сама хижина снаружи, как я и предполагала, практически незаметна. Бревна и крыша полностью покрыты тем же мхом, что устилает землю, а дверь завешана МОИМ красным плащом. Я невольно улыбаюсь, смотря на это яркое пятно посреди темно-охро-зеленого царства. Хитро... Для волков ведь этот цвет незаметен, да и запахи плащ скрыва-

ет... Мой вервульф явно не дурак... Опускаю взгляд на птицу в моей руке, а затем оглядываюсь по сторонам.

Ну, и куда идти чистить? Лес везде одинаковый – густой и пугающий...

– Обр-р-ратно зашла, – вдруг тихо рычит волк за моей спиной прямо на ухо.

От испуга я деревенею. Волк грубо толкает меня между лопаток, загоняя в дом.

– Я только почистить хотела...на улице...– бормочу растерянно в своё оправдание, – Всё в перьях же будет.

– Убер-р-решь, – рывкает вервульф и, открыв дверь передо мной, толкает уже со всей силы. Так, что я, потеряв равновесие, лечу на земляной пол.

Нормально здоровую руку подставить не успеваю – реакция от жара и слабости слишком замедленная, и в итоге я кулем валюсь у его ног. Удар как назло приходится на большое плечо. Из легких моментально вышибает весь воздух, будто мне грудную клетку проломил, перед глазами идут красные круги, и они все растут, затягивая в черноту. Сквозь нарастающий шум в ушах словно сквозь толщу воды различаю.

– Почистить хотела она...Или гостей хотела к нам позвать? Одного самца тебе мало??? С-су..

Не слышу дальше, отключаюсь полностью.

Прихожу в себя я опять на прелой соломе в углу. Нос ще-

кочет запах варящегося мяса и влажный пар стелется по маленькой темной хижине. Медленно размыкаю тяжелые веки. Взгляд тут же упирается в вервульфа, сидящего у разведенного костра в небольшой ямке, служащей очагом. Волк будто чует меня – моментально поднимает на меня янтарные глаза, прожигая, кажется, ими насквозь, а затем снова переводит ленивый взгляд на палку в руках, которую он неторопливо затачивает выданным мне конфедератами перочинным ножиком.

Делать вид, что сплю, становится бесполезно. Я тяжело приподнимаюсь, поплотнее заматываясь в грубо сшитые между собой шкуры, потому что под ними я голая, и сажусь, опираясь лопатками о земляную стену. Кусаю губы, смотря на мужчину и не решаясь заговорить первой. Да и надо ли...

В хижине совсем темно. Наверно, на улице уже ночь. Лишь желтые блики огня подсвечивают огромную фигуру волка, делаая его еще более пугающим. Отблески пламени танцуют на склоненном мужском лице, делаая резкие черты агрессивными, облизывают бронзовую загорелую кожу, поблескивающую потом, путаются в жестких черных волосах на груди и животе... Поджимаю ноги к себе, обхватываю колени руками и с удивлением обнаруживаю, что плечо по новой перевязано и уже не так болит, а жар сменила липкая испарина и разбивающая слабость. Неуверенно кусаю сухие губы, прежде чем выдавить из себя.

– Спасибо, что перевязали...

– Бесплезная самка, – фыркает мужчина, кидая на меня насмешливый взгляд и снова всё своё внимание отдаёт затачиваемой палке, – Только и делаешь, что в обморок грохачешься...

– Я в этом не виновата! – тихо шиплю в ответ, пытаюсь подавить вспышку отравляющего раздражения в груди.

Ругаться с ним – последнее, что мне надо делать, но чёрт возьми!

– Не пырнула бы Хайда, он бы тебя просто поимел и все. Не рвал бы, – бормочет мужчина себе под нос, так и не удостоивая меня взглядом.

Кусаю губы в попытке промолчать...И не могу...

– Для меня это не "просто"... – тихо- тихо отвечаю.

Но, конечно, волк слышит. Наконец поднимает на меня свои янтарные, светящиеся в отблесках неверного огня глаза.

– Что? И меня пыр-р-рнешь? Дина... – иронично выгибает бровь.

Невольно вжимаюсь в стену и отвожу взгляд. Чувствую, как кровь приливает к щекам и начинает пульсировать в висках.

– Убьете меня?

– Я – нет, – отрезает волк и откладывает заточенную палку.

Слежу за тем, как он поднимается с пола. В каждом движении чувствуется его звериная сущность. Пугает и завора-

живает. Мощное тело двигается быстро, но плавно и легко. Ритмы меняются, гипнотизируя. Тугие мышцы перекачиваются под смуглой влажной кожей, выдавая силу хозяина.

Попытаться напасть на него...

Понятно, почему, сама мысль об этом вызывает у вервульфа ироничную ухмылку. Мужчина проходит к сундуку и достает оттуда пару глубоких мисок и ложки, грубо вытесанные из дерева. Потом выуживает мой рюкзак, забирает из него сухпак и кидает в мою сторону.

– Сухари достань, – бросает мне через плечо, пока наливает в миски похлебку.

Я послушно роюсь в скудных, выделенных мне припасах, нахожу тонкие пластины сухариков, чувствуя, как нос все сильнее щекочет запах подносимого бульона, а во рту выделяется густая слюна. Только сейчас понимаю, что действительно голодна.

Мужчина ставит миску передо мной на пол и сам садится рядом.

– Ешь, – коротко приказывает, забирая у меня сухарики.

– Спасибо, – шепчу, не поднимая глаз.

Суп оказывается не соленым, но очень наваристым и густым. Помимо больших, наскоро порубленных кусков мяса, в нем плавают сладковатые коренья, немного похожие по вкусу на картошку, и еще добавлена какая-то трава. В желудке становится приятно горячо, от чувства сытости страх как будто отступает, и я смелею настолько, что продолжаю

спрашивать его.

– Что тогда со мной будет? – дрогнувшим голосом интересуюсь.

Я знаю ответ. Знаю, что из жертвенной сотни никто не выживает, но я хочу выяснить, как именно это произойдет. Неизвестность, догадки пугают больше неминуемой гибели...

Волк не отвечает. Ест. Смотрю, как он быстро орудует ложкой, а потом, справившись со своей порцией за каких-то несколько секунд, оставляет миску и растягивается на соломке рядом со мной. В воздухе мгновенно что-то меняется. Он словно становится гуще... Кажется, это потому, что дыхание волка изменилось. Стало глубже и тяжелей. Вдоль позвоночника ползут жаркие мурашки... Волк шумно выдыхает сквозь зубы, и его рука касается моего голого бедра под шкурой. Прикосновение как ожог. Парализует. Я замираю, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле. Жесткие пальцы впиваются в кожу выступившими когтями. Он тихо и довольно рычит, оглаживая мое бедро. Немного отпускает. Похоже, даёт время доесть...

Колотит. Дрожащей рукой подношу ложку ко рту.

– Что со мной будет? – повторяю срывающимся голосом.

– Ты знаешь, – урчит волк. Его рука перемещается на мою поясницу, когти царапают ямочки около позвоночника.

– Хочу знать как, – кусаю губы я, ощущая нарастающее тянущий жар между ног.

Неважно, что я думаю, что чувствую, тело уже привыкает к нему... Ждет, подчиняется, помнит... Прикрываю глаза. Унизительно....

– Откуда мне знать, землянка... – рычит волк раздраженно и, обхватив меня за талию, подтягивает к себе, – Ты знаешь правила. Вы приговорены. Смерть. Ничего уже не сделать. Но я не убью. Это я могу обещать. Клан или дикие, хворь, яд... Всегда что-то происходит. И даже если мне удастся спрятать тебя, и ты продержишься двадцать девять лун, на тридцатой луне конфедераты активируют твой ошейник и взорвут тебя, а округ накажут. Разве ты не знаешь?

Я ложусь рядом с ним на солому. Устремляю взгляд в потолок. Волк урчит, принохиваясь. Зарывается носом в мои спутанные волосы, кладет тяжелую руку мне на живот.

– А если доберусь до Огня? – шепчу одними губами.

От его близости тело бьет дрожь, сознание мутнеет. И хочется скинуть руку со своего живота, оттолкнуть его лицо, чтобы не чувствовать, как жадно он втягивает мой запах... И в тоже время я позорно влажнею. И знаю, что он чует влагу в меня между ног.

– Тебе не дадут, – бормочет рассеянно мужчина мне в ухо. Его рука опускается на мой лобок, сжимает, отчего с моих губ срывается тихий сдавленный стон.

– Почему? Кто?

– Волки. Если из округа сбегает одна из сотни, потом десять жатв этому округу женщин не видать, как и если спря-

тать тебя здесь... В моем округе почти тысяча волков. И все они будут искать тебя, Дина. Смир-р-рись...

Мужчина вдруг убирает руку, поднимается с соломы и садится передо мной на колени. Янтарные полузвериные глаза сверлят насквозь. Волк вжикает замком на ширинке, рывком спускает штаны с бронзовых бедер. Мое дыхание прерывается, когда прямо перед глазами появляется его вставший, весь перевитый венами, крупный член. В голове начинает звенеть странная пустота, когда он перехватывает мои волосы на затылке и тянет за получившийся хвост мою голову к своему паху. В носу щекочет мускусный запах его тела, смешанный с потом, горьковатыми нотками растекается на языке. Машинально облизываю потрескавшиеся губы, рот наполняется слюной. Горло першит от одного вида...

– Как тебя зовут?

Сама не знаю, зачем спрашиваю. Какая разница... Тем более сейчас...

– Гер-р-р... – рычит волк, давя головкой на мои губы.

Послушно вбираю твердую плоть, прикрывая глаза. Резкий пряный вкус затапливает рецепторы. Крупная бархатистая головка давит на корень языка, вызывая рвотный рефлекс. Полный желудок скручивает болезненным спазмом, в уголках глаз тут же собираются слезы. Он толкается дальше в спазмирующее горло, и я инстинктивно пытаюсь отстраниться, не в силах его принять.

Дергаю головой в сторону, но волк лишь на секунду дает свободу. Лишь для того, чтобы дернуть за волосы вниз, поднимая мне голову и заставляя посмотреть ему в глаза. Они у него уже полностью звериные, затопленные дико светящимся янтарем. Становится жутко от этого взгляда, и в тоже время тело разбивает чувственная слабость. Его ментальная сила слишком велика...

Немыслимо не подчиниться.

Гер коротко отрицательно мотает головой, легонько хлопает меня по щеке и снова давит членом на мои губы. Размыкаю, расслабляю горло, стараясь не думать о скручивающемся узлом животе. Толкается глубоко, дергая за волосы на себя. Я просто тело для него, тело... Послушное и податливое. Я пока я такая, я ему нужна...

Слюны становится слишком много, и она начинает стекать по подбородку, капать на колышущуюся грудь. Инстинктивно впиваюсь здоровой рукой в его твердое бедро. Пальцы то сжимаются в кулак, то пытаются ухватить каменные мышцы. Во рту взбивается белая пена, горло саднит, но его запах и вкус... Такие острые и пряные сейчас, пропитанные феромонами, вводят в сильнейший транс, возбуждают, стирают неприятие происходящего в пыль.

И я уже чувствую, как по внутренней стороне моих бедер стекает влага, как пульсирует лоно, жадно хватая пустоту, как мне хочется его... И не беспокоят уже ни подступающие рвотные спазмы, ни саднящее горло, ни странные звуки, вы-

летающие изо рта, ни немеющая челюсть и залитое слезами лицо. Больной, повисшей до этого плетью, рукой аккуратно начинаю гладить себя, не в силах терпеть.

Сначала бедро, потом сжимаю лобок, оттягивая волосы, раздвигая половые губы. Волк рычит, толкаясь глубже мне в горло от того, что ощущает мой запах острее. Начинает то и дело вжимать мое лицо в свой пах. Держит на три-четыре счета и резко отодвигает, давая вздохнуть. Опять. Опять...

Кружится голова, кружатся мои пальцы, давя на пульсирующий клитор, кружится вся эта чертова комната, пропитанная животной отравляющей похотью, кружится...

Я оказываюсь полностью дезориентирована, когда Гер вдруг резко отстраняется. Инстинктивно тянусь за членом, сглатывая слюну. Волк замечает и хрипло смеётся у меня над головой. Почти нежно толкает меня вперед на солому. Вдавливает щекой в пол. Ударяет под коленками, чтобы высоко подняла зад. Прикрываю глаза. Трясет от нетерпения и стыда одновременно.

Подставленную промежность холодит легкий сквозняк. Откашливаюсь, пытаюсь убрать саднящее чувство в горле, жмурюсь сильнее и чувствую, что Гер начинает меня нюхать. Медленно ведёт носом по покрытой испариной коже, рассеянно ощупывая моё тело рукой. Будто карту составляет у себя в голове, стараясь ничего не упустить. Покрываюсь мурашками, когда он ведёт носом по моей шее, плечу, лезет в подмышку, лижет колыхающуюся грудь, чувствительно при-

кусувает сосок и ведет носом дальше по ребрам, вверх, широким языком проходится по желобку позвоночника, слизывая пот, задерживается носом на бедре, глубоко втягивая воздух, перехватывает мои ягодицы руками, раздвигает в стороны и приближает вплотную своё лицо.

Накрывает сильным трепетом, когда я ощущаю, как он втягивает мой запах в себя. Сама не замечаю, как начинаю стонать. Слишком странное, острое чувство... А когда проводит языком по мокрым половым губам, словно током прошибает насквозь. Выгибаюсь в поясице до предела, зарываясь лицом в солому.

Боже, боже, боже... Он будто взасос целует меня...

Бедра начинают ходить ходуном, подаваясь навстречу, из растревоженного горла вырываются сильные всхлипы. Хочется плакать и смеяться, и черт знает, что... Когда он отстраняется, распробовав меня, я чуть не реву. Нет...

Но язык в лоне тут же сменяет толстый член, и плач перерастает в рваный счастливый стон.

По телу проходит крупная колкая дрожь, от которой немеют ноги. Пальцы судорожно хватают солому в попытке удержаться во время сильных быстрых толчков. Бедра жжет от его выпущенных звериных когтей, до крови впивающихся в ягодицы. Задыхаюсь, чувствуя, как подступает болезненный оргазм. Волк рычит, ускоряя темп, нагибается к моей шее и прижимается приоткрытым ртом к шее. Клыки, вдавлива-

ются в тонкую кожу. Меня накрывает экстатической судорогой, слабею, раздавленная какими-то слишком животными ощущениями, распластываюсь на соломе под ним. Гер делает еще несколько резких фрикций, вколачивая меня в пол, замирает во мне, кончая, и тут же отстраняется.

Лежу, уткнувшись в солому, тяжело дыша, влажные волосы налипли на лицо, между ног опять невыносимо мокро, хочется ополоснуться... Вставший было на ноги, Гер вдруг присаживается рядом со мной и дотрагивается до моей шеи. Ведет пальцами по саднящей от его клыков коже и, крепко ругнувшись, отдергивает ладонь. Поднимается с корточек, снова натягивает свои выдавшие виды армейские штаны. То же прижимаю пальцы к месту укуса, поднимая на волка настороженный взгляд.

Что? Метку поставил???

Нет, крови нет...Царапнул только...Да и говорят, такое не пропустишь – метка пары – это очень больно.

Но...Хотел?

– Нет там ничего, – раздраженно рычит волк, застегивая ширинку, – Да и тебя бы это не спасло, землянка.

Молчу, наблюдая за ним, вдруг четко осознавая, что всё-таки хотел...Вернее, его сущность вынуждала его сделать это. Отвожу глаза и натягиваю шкуры на свое голое, остывающее после него тело.

"Не спасло"...

Но он хотел! И даже не так важно, почему именно. То

ли изголодался по самке в принципе, то ли ему так подхожу именно я. Метка – это всегда защита. Всегда. Пару не отдают просто так... А значит ему пришлось бы делать для меня больше... Я кусаю губы, чтобы не начать улыбаться. Потом и вовсе отворачиваюсь в другую сторону, чтобы волк не заметил выражения моего лица.

Если он поставит метку... Если я вынужу его, то...

– Кто тебя признали бракованной? – его резкий недовольный голос возвращает меня в реальность.

Прежде, чем ответить, сажусь на соломе, чтобы видеть его, и укрываюсь шкурой, поджимая под себя ноги. Гер в это время наливает в миску воду и ставит ее на огонь, затем достает какие-то тряпки из сундука...

– Как обычно, не смогла выносить, – пожимаю плечами я, с любопытством наблюдая, как волк выуживает еще маленькую склянку из сундука, а затем его закрывает.

– Выносить... То есть зачать от вервульфа смогла? – уточняет он, когда кидает лоскуты ткани в миску с закипающей водой, и взгляд его янтарных глаз очень выразительно упирается мне в низ живота.

Невольно сильнее поджимаю под себя ноги, обнимая себя руками, будто пытаюсь от него спрятаться.

– Мне сломали ген, когда подстраивали под хозяина, чтобы дотянуть процентную совместимость до положенных семидесяти пяти. Организм теперь отторгает волчью ДНК очень быстро. Меньше двух недель. Легче было списать, чем

пытаться сохранять, – признаюсь и опускаю глаза.

Во рту собирается неприятная горечь...Перед глазами мелькает моя прошлая жизнь, которая ничего, кроме боли, мне не принесла...Мой хозяин вервульф, которому я плохо подходила как пара, что было даже хорошо, так как он практически не трогал меня, и мучительные недели, проведенные в лабораториях, когда мне пытались сохранить плод. После третьего выкидыша хозяин отказался от меня, продав в жертвенную сотню. Самая обычная судьба...

– Ясно, – бормочет волк, доставая прокипячённые лоскуты из жестяной миски.

Открывает склянку, и один из лоскутов щедро намазывает какой-то черной пастой. Потом приближается ко мне, садится напротив и с сосредоточенным видом начинает размазывать больное плечо. Затихаю, наблюдая за ним. Его лицо очень близко сейчас – суровое, смуглое, высеченное будто из камня. Вижу, как Гер сосредоточенно хмурит брови, аккуратно снимая повязку, рассматривает подживающие уже глубокие следы от зубов, окруженные фиолетово-зеленым кровоподтеками, а потом прижимает свежий простерилизованный лоскут с мазью к моему плечу и снова крепко перевязывает рану. Немного морщусь от боли, но терплю всё молча, ни о чем не спрашивая. Какая разница, если точно помогает...

Закончив, волк поднимает на меня свой янтарный заволаживающий взгляд. Его лицо так близко, что я вижу каждую

коричневую крапинку в его нечеловеческих радужках.

– А кто хозяин был, Дина? – вкрадчиво интересуется Гер, смотря мне прямо в глаза.

– Фрай Кунц, – отвечаю я, и вдруг вижу, как его зрачки резко становятся вертикальными, а янтарная радужка словно взрывается, полностью затапливая белки глаз.

От неожиданности отшатываюсь в сторону. Гер же расплывается в хищной улыбке, демонстрируя показавшиеся верхние клыки.

– Стар-р-рший? – тихо рычит на меня.

– Нет, его сын, фрай Крон Кунц, – сглатываю я.

Волк становится задумчивым, кивает, смотрит на меня пару долгих секунд и встает, больше ничего не сказав. Стягивает с себя штаны, небрежно бросает их на сундук, рычит через плечо "не смей выходить" и через несколько мгновений, обернувшись зверем, исчезает из хижины, снова оставляя меня одну.

4.

Проводив волка долгим взглядом, я медленно поднимаюсь с соломенного настила. Плечо уже почти не беспокоит – только при резких движениях простреливает болезненным уколом и жар, кажется, совсем прошел, оставив после себя лишь мутную, разбивающую слабость. Поэтому я неторопливо, опираясь о стену, подхожу к бочке с водой. Желание помыться уже почти невыносимо. Липкое, покрытое испариной тело, запах собственного застарелого пота, засыхающая обильная влага между ног, стягивающая кожу, и еще пропитавший меня насквозь волчий аромат – всё превращается в какой-то совершенно безумный, щекочущий нос, раздражающий коктейль.

Я беру миску, в которой волк нагревал воду для перевязки, нахожу брошенные в угол использованные бинты, щедро из смачиваю и начинаю агрессивно себя тереть. Мыла к сожалению, у меня нет, и это всё, что я могу себе позволить. Поэтому ожесточенно тру розовеющую кожу тряпкой, пока тело не начинает скрипеть.

Ополоснувшись, принимаюсь искать свою одежду, но ее нигде не видно, а в сундук, принадлежащий волку, без хозяйина заглядывать не решаюсь. Поэтому, отставив миску и насухо вытеревшись другой тряпкой, бреду на слабеющих но-

гах обратно к своему соломенному настилу и укладываюсь спать, зарывшись в ворох шкур. Больше мне здесь всё равно заняться нечем...

Через несколько минут по крыше начинают барабанить редкие капли дождя. Потом все быстрее и быстрее, пока шум не становится звуковой стеной. Кое-где ветхая крыша протекает, и на земляном полу расползаются лужи. Температура падает, но мне так тепло и уютно под шкурами вдыхать этот пропитанный дождем воздух. И я крепко засыпаю, выбрасывая все мысли из головы.

Гер приходит, кажется, на рассвете. Потому что сквозь узкие щели в землянку уже льется тусклый серый свет, когда он толкает мордой скрипнувшую дверь. Вздрагиваю от испуга и резко подскакиваю на лежанке. Медленно оседаю обратно, когда расфокусированный спросонья взгляд натывается на шоколадного мокрого зверя. Волк фыркает, отряхивается, ставя шерсть дыбом и разбрасывая вокруг водяные брызги, а затем приседает на лапы и рябит, трансформируясь в человека. Уже через мгновение с пола встает обнаженный мужчина, небрежным движением убирающий со лба налипшие длинные волосы.

Закрыв за собой дверь, Гер, не обращая на меня внимание, проходит ко второй лежанке в углу, которая находится поближе к потухшему сейчас очагу. Устраивается на ней, накрываясь шкурами и поворачивается ко мне спиной. Затихает...

А я лежу в нерешительности, наблюдая как колышется его могучий торс от мерного, постепенно становящегося все более глубоким дыхания.

Если бы он поставил мне метку...

Но он явно этого не хочет, а значит надо попытаться добиться самой. Но как добиться, если он подходит ко мне будет только ради случки? Он не сорвется так...

Поколебавшись несколько секунд, решаюсь. Отбрасываю шкуры, поднимаюсь со своего настила и иду к нему сама.

Хотя я пытаюсь ступать бесшумно, но спина волка всё равно моментально напрягается, а затем он медленно поворачивается ко мне. В сером предрассветном сумраке его янтарные глаза кажутся темнее, они почти черные, насыщено шоколадные, как и его звериная шерсть. И эти глаза пристально следят за каждым моим движением, липким, оценивающим взглядом скользя по моему голому телу. Тянет прикрыться, но это было бы просто смешно.

Разве я не иду к нему сама?

Когда опускаюсь рядом на его настил, Гер вопросительно выгибает бровь, плотно сжимая губы.

– Я замерзла... – вру я и быстро ныряю к нему под шкуры, пока не растеряла весь запас.

Волк насмешливо фыркает, но не возражает. Тяжелая ладонь ложится мне на бок и по-хозяйски притягивает к себе,

пока моя спина не вжимается в его живот, а ягоды не касаются покрытого жесткими волосками паха. По телу проходит нервная дрожь. Прикрываю глаза, стараюсь дышать ровнее. Это предел моей смелости. Теперь и пошевелиться бо-
здно лишний раз. Соблазнительница из меня никакая...

Гер тоже укладывается позади меня. Его горячее влажное тело обжигает кожу. От него парит дождём, естественный запах смешан с нотками мокрой листвы, травы и хвои. Про-
питан озоном после ливня. Дыхание волка глубокое и ровное, кажется, он засыпает... Я тоже плотнее прикрываю глаза. Главное – не прогнал...

Почти совсем проваливаюсь в сон, когда он вдруг подает-
ся ближе и с тихим, каким – то страдальческим стоном зарывается носом мне в волосы. Жадно и шумно вдыхает мой запах глубоко в себя. Шершавая ладонь на моем бедре оживает и сжимает талию, переходит на грудь, сминая мягкое полушарие, потом быстро опускается по животу к промежности, протискиваясь между моих сведенных вместе ног. Я распахиваю глаза, сна как и не бывало. Тревожную негу сменило его давящее, тяжелое возбуждение.

– Почему сама пр-р-ришла? – рычит Гер сердито мне на ухо, утыкаясь носом в висок, – Нравится или хочешь чего???

Молчу, кусая губы и отставляю одну ногу для него. Волк рычит хрипло и толкается в меня, крепко перехватывая за бедра, когти вновь царапают нежную кожу, рискуя скоро не оставить на ягодицах ни одного живого места, выступившие

кльки ведут по шее и плечу. Жалобный напряженный стон срывается с губ, когда ощущаю его в себе. Откидываю голову назад ему на грудь. Перехватываю мужское запястье, крепко вцепляясь в него пальцами. Мне трясет от его быстрых глубоких толчков, дыхание сбивается. Но это уже воспринимается чем-то таким естественным, что мне действительно нравится... Нравится...

Всё происходит слишком быстро, словно Гер хочет меня наказать за своеволие, показав, что удовольствие здесь получит только он. Замерев глубоко во мне, он выпускает семя и тут же откатывается на спину, отпуская меня. Неприятное ощущение, будто тебя использовали и бросили смешивается с пульсирующей неудовлетворенностью внизу живота, но я проглатываю его, понимая, что сейчас, когда волк расслаблен и доволен, мне легче всего попробовать установить с ним какую-то близость помимо физической.

Поэтому я гоню прочь неуместно взбрыкнувшее самолюбие и, развернувшись, ложусь ему на живота и показательно ласково заглядываю в янтарные, подернутые негой глаза. Гер криво усмехается, всем своим видом демонстрируя, что ни на грамм мне не верит, но не гонит... Наоборот будто нехотя подносит руку к моему лицу, чертит пальцем линию по бровям щеке, носу, задерживается на губах и отпускает, закинув обе руки за голову, и рассматривая меня из-под потяжелевших, полуопущенных век. Улыбаюсь ему, думая, с чего бы начать...

– Это твой постоянный дом? – кокетливо прикусываю губу и веду пальчиком по его мерно поднимающейся груди, цепляя курчавые волоски колечками.

– Нет, это схран, – щурится Гер.

– М-м-м, а дом где?

– В стае.

Наши глаза встречаются – на языке у меня вертится миллион мгновенно возникших вопросов, и, судя по лицу Гера, все они бегущей строкой проносятся у меня в глазах, но вслух сказать что-то не то, после чего он оборвет разговор, страшно...

– А стая... – замолкаю, подбирая слова, – Не будет тебя здесь искать?

– Первые семь лун стае не до меня, – хмыкает Гер снисходительно, рассеяно погладив меня по голове, – Все разделились, ищут вас. Но на восьмую луну будет сбор, там посмотрим... Всё, землянка, спи. Слишком любопытная...

5.

Когда я просыпаюсь в следующий раз, судя по веселым солнечным лучам, прорывающимся через щели, на улице уже за полдень. Гера рядом опять нет – только у очага валяется свежая тушка какого-то зверька, сильно смахивающего на земного зайца. Видимо, это любезный оставленный мне обед. Я сажусь на соломенном настиле, подминая под себя ноги, и рассеянно озираюсь по сторонам.

И что мне тут делать в этой крохотной землянке одной, когда даже на улицу показаться нельзя? Видимо, когда волк перечислял возможные причины моей смерти, он забыл упомянуть скуку...

Поразмыслив немного, встаю с настила и направляюсь к сундуку, наплевав на свои прошлые опасения. Постоянно ходить голой слишком непривычно и не комфортно, а это единственное место, куда Гер мог убрать мою одежду. То, что я нахожу внутри, заставляет меня крепко задуматься. Одежда моя, аккуратно сложенная, действительно оказывается сверху. И, кажется, ее даже застирали перед тем, как сюда убрать – на штанах нет засохших комков грязи, а футболка и вовсе зашита, хоть и криво, в районе плеча. Белье тоже тут, как и рюкзак, выданный мне конфедератами. Вот только он не один...

Порывшись, достаю еще три таких же...

Один совсем старый, выцветший, будто вечность тут лежал. А два почти свежих, совсем как мой... Обняв рюкзаки, оседаю с ними на земляной пол. Внутри шевелится что-то жгучее и темное, что я не в силах контролировать. Начинает мелко трясти.

За каждым из этих рюкзаков стоит жизнь такой же девушки, как и я. Жизнь и смерть...

И каждая из них была, получается, здесь... с Гером.

Во рту собирается желчь, которую отчаянно хочется сплюнуть, в грудной клетке теснит. Нет, это не ревность...

И я прекрасно понимала, что я не первая и не последняя в этой ветхой землянке. Но понимать и знать наверняка...

Кто они были? Как умерли? Он... легко отпускал их? Сам... убивал???

Мне обещал, что не убьет, а им?

Просто отдавал стае?

Волк сказал, что сбор стаи будет на восьмой луне...

Он просто отдаст меня им, наигравшись, да???

Желчь в горле подступает так близко, что это невозможно контролировать. И меня вырывает прямо на земляной пол. Тело слабеет, выступает испарина. Как же это противно всё. И просвета нет. Здоровой рукой убираю налипшие на лоб волосы. Потом, тяжело поднявшись, ищу вчерашние тряпки, чтобы прибрать за собой. Пока навожу порядок, в голове мелькают картинки из такого далекого, что, кажется, уже и

не моего прошлого.

Мытье полов, знакомое с раннего детства, всегда расслабляло меня. Еще с тех времен, как моя мать на Земле работала в доме фрая – наместника нашего сектора, а я помогала ей... Моя мать была его тайной любовницей, и мы не боялись депортации. Не знали голода и холода, думали, что под защитой. Считали, что нам повезло. Мыть полы у того фрая было чуть ли не почетной миссией для меня, обеспечивающей вполне сносное по земным меркам будущее.

Но потом фрая- наместника поймали на взятках и связях с ополченцами и сослали с Земли. Мать мою отправили в поля, а меня, молодую и здоровую, привезли на Вальден, планету – столицу Волчьей Конфедерации, чтобы там я стала сосудом для размножения какого-нибудь знатного фрая, которому не может родить его слабая пара.

С тех пор я не мыла полы. Лишь вспоминала, как была счастлива и спокойна, когда все мои обязанности заключались в том, чтобы помочь матери убирать огромный дом знатного фрая – наместника нашего сектора...

Пока я оттирала землю и собирала рвоту, окончательно взяла себя в руки. Не время жалеть себя...

Быстро оделась и аккуратно сложила рюкзаки обратно, заодно посмотрев, что еще хранится в сундуке. Выданный мне топор, чей-то арбалет, десять стрел, еще один красный плащ, сильно изодранный, зимняя куртка жертвенной девушки – видно сбрасывали сюда в холодный сезон, фонарики, ком-

пас, много всяких мешочков с какими-то травами, пара пузырьков с черной мазью, которой волк лечил меня, чистые тряпки, мужская теплая куртка звездного пилота...

Заинтересовавшись, выуживаю ее из сундука. Веду пальцами по нашивкам... Я плохо в них разбираюсь, но кажется вот эта стрела на фоне пасти выдается за мужество? Это... Гера?

Отодвигаю от себя куртку, держа навесу. Размер, кажется, его.

Приближаю снова и нюхаю ткань, зарываясь в нее носом. Хотя это глупо – даже если куртка изначально не его, то здесь ведь именно волк ее носит. Взгляд перемещается с куртки на самое дно сундука, и я застываю, облизывая вмиг пересохшие губы. Потому что там, на дне, лежит лазерный короткоствольный пистолет, который обычно носят при себе пилоты Конфедерации. Сердце подскакивает куда-то к горлу, когда нагибаюсь за ним и дотрагиваюсь подрагивающими пальцами до пугающе холодного металла. Веду по линии заряда на рукояти. Полная... Волоски на загривке встают дыбом. Я пару раз видела последствия выстрела из него... Мало что останется... Даже от мощного Гера...

Так... Надо подумать. Подумать...

Неужели он настолько доверяет мне, что оставил в землянке заряженное оружие. А если я захочу убить его? В любом случае – последнее, что мне сейчас нужно – это то, что он поймет, что я видела его. Быстро складываю все вещи об-

ратно, стараясь уложить их в том же порядке. Даже найденную одежду снимаю с себя. Лучше быть голой, чем мертвой. И, управившись, аккуратно прикрываю сундук и сажусь за разделку местного то ли хорька – то ли зайца любезно оставленным рядом с тушкой перочинным ножом.

К тому моменту, как Гер глубокой ночью заходит в хижину, я уже выть готова от тоски. Сердце моментально начинает биться часто-часто от нервного возбуждения и иррациональной радости увидеть хоть кого-то живого, способного поговорить с тобой. Хотя всё это время я не бездельничала и каждую минуту пыталась себя занять. Помимо убивания времени моя суета давала еще один побочный, но важный эффект. В работе мысли не крутились вокруг того, насколько безнадежно мое положение, и итог все равно будет один...

Волк стряхивает росу со вставшей дыбом густой шоколадной шерсти, рыжеватой в отблесках горящего очага, и, медленно распрямляясь, ведет носом в сторону сваренной похлебки. Кореньев, как и трав, по понятным причинам там нет, но воды я налила специально мало, и в итоге получился очень густой мясной бульон, которым сейчас насквозь пропахла вся хижина. Еще мне остро не хватало соли, но не факт, что она у них есть вообще...

– Смотрю, тебе лучше, – мажет Гер по мне оценивающим взглядом, задерживаясь на тонкой шкуре, в которую я обмо-

талась, подвязав ее несколькими тряпками, раньше служившими мне бинтами – хоть какое-то одеяние.

– Ну, накладывай тогда... хозяйка.

Криво улыбается, разминая шею. Потягивается во весь свой могучий рост, выставляя обнаженное тело во всей красе. Невольно краснею и опускаю взгляд, поднимаясь с настила, на котором сидела. Хочется напомнить ему, где хранятся штаны...

Слежу за ним боковым зрением, пока беру миски, сложенные горкой в углу. В груди разбухает от напряжения, когда он расхаживает за моей спиной голый – в избушке будто становится еще теснее...

Но Гер и не думает одеваться, растягивается полулежа на настиле, сверля меня янтарными звериными глазами, полуприкрытыми потяжелевшими веками. Берет миску у меня из рук, криво улыбается опять и хлопает ладонью по соломе, чтобы присаживалась рядом.

Сажусь... Гер тоже садится ровнее и принимается есть. Смотрю на него, кусая губы и вся будто нагреваясь от волнения рядом с ним. От него пахнет сырым лесом и разгоряченным мужским телом. Влажная смуглая кожа парит, мой нос щекочет от мускусных ноток. Низ живота сводит, ведь по тому, как быстро волк расправляется с похлебкой, я понимаю, что неизбежно за этим последует уже через несколько минут.

– У нас заканчивается вода в бочке, – бормочу я, откаш-

лявшись, чтобы убрать комок в горле.

Гер косится на меня исподлобья, шумно хлебая бульон.

– Завтра принесу, – отрезает он.

– Может быть... – я заламываю руки, переплетая пальцы, и заглядываю в его до боли пронзительные глаза, – ...сейчас. Я помогу. Я хочу помочь. На улице ночь, ничего не видно...

– Дина, думаешь, те, кто охотится за тобой, ориентируются на зрение? – криво ухмыляется волк и чеканит, – Нет. Тебе нельзя.

– Я умру с тоски тут, я просто выйти хочу! Хоть ненадолго, хотя бы чистый воздух вдохнуть! – не выдерживаю и повышаю голос, в котором прорезаются истерические тонкие нотки.

– Лучше уж с тоски умирать, тебе не кажется, землянка? – фыркает на это волк, отставляя в сторону полупустую миску, – Иди сюда...

Я тихо всхлипываю, противясь, но его сильные руки уже крепко обнимают меня за талию и легко, как пушинку, притягивают к себе. Дыхание перехватывает, когда оказываюсь верхом на мужских бедрах, ладони упираются в волосатую грудь, под правой безумно колотится могучее сердце. Коленни сжимают его голые бока и в промежность упирается наливающийся кровью член. Потяжелевшее дыхание волка обжигает мою щеку.

– Скучно ей... – насмешливо хрипит Гер, дергая шкуру, служащую мне одеждой, наверх, – В первый раз слы-

шу... Чтобы жаловались, на "скучно"...

– А на что обычно жалуются? – кусаю я губу, смотря на его лицо, которое так близко, что я вижу каждую морщинку около его глаз, различаю рыжеватые волоски в щетине на впалых щеках.

– На страх... – волк смотрит в упор, прожигая янтарным, плавящимся взглядом, – Плачут...

– Если буду плакать, выпустишь?

Криво улыбается вместо ответа.

– Много тут было до меня? – дрогнувшим голосом продолжаю свой допрос. Перед глазами встают найденные рюкзаки.

Но Гер и на это не отвечает, лишь улыбка медленно сползает с его резкого лица. Янтарные глаза подергиваются жарким туманом, внутри которого мне чудится глубоко скрытая скорбь...

– Я просто совсем одна... – тихо шепчу, чувствуя, как его пальцы с выступающими когтями скользят по моему позвоночнику, стягивая обмотанную вокруг тела шкуру через голову, – Если бы хоть не уходил так надолго... Здесь можно сойти с ума... Одной...

– Не могу долго тут, – тихо рычит волк, – Пахнет тобой сильно...

Задираю руки вверх, и мое самодельное одеяние наконец летит на земляной пол. Сердце колотится так, что всю меня начинает потряхивать от каждого толчка. Тело пульсирует

в такт разгоняющейся по венам крови. Гер жадно вжимается лицом мне в шею, шумно дышит, трогая языком бешено бьющуюся венку. Его ладони больно стискивают мою спину, крепче прижимают к себе, выступившие когти царапают кожу. Закрываю глаза. От него идет такой жар, что над губой бисеринками выступает пот...

– Ядовитая... – выдыхает он то ли восхищенно, то ли зло, подаваясь бедрами навстречу.

Еложу сверху, дразня и не давая войти. Рычит, но довольно, тихо. Когти чуть исчезают, гладит мою спину, волосы. Ему нравится... Нерешительно обвиваю его крепкую шею руками и робко целую сама. В уголок твердых губ, едва ощутимо, но этого хватает, чтобы волк замер и отпрянул, внимательно смотря на меня.

– Мне тоже нравится твой запах, – вдруг признаюсь.

Его взгляд. Его полностью топит янтарем, не оставляя белка. Пугающее и завораживающее зрелище.

– Нр-р-равится? – хрипит Гер низким, почти уже нечеловеческим голосом, и когти снова сильно выступают, больно впиваясь в плоть, – Мне не нр-р-равится... Зверь р-р-рвет – хочет забр-р-рать себе. Но мы все погибнем тогда. Лучше молчи...

Янтарные глаза будто вспыхивают в полумраке, гипнотизируя и беря в муторный чувственный плен, и он крепко фиксирует мои бедра, насаживая на себя.

6.

Мое прозябание в хижине настолько скучно и монотонно, что уже через пару дней мне чудится, что я жила здесь почти всегда: в этом густом душном сумраке, пропитанным запахом влажной землянки.

Солнечные лучи скупо прорываются сквозь щели в крыше, не сильно-то освещая тесное помещение, чадит и жарит огонь, и звуки леса отчетливо долетают сюда сквозь окружающее меня безмолвие.

Гер всё так же уходит из хижины чуть свет, возвращается через пару часов, принеся какую-нибудь птицу или суслика, коренья для похлебки, травы, иногда валит меня на солому, беря горячо и быстро, и исчезает за дверью до самой глубокой ночи, чтобы потом явиться неожиданно и бесшумно, когда я уже с ума схожу от тоски и одиночества, отведать моюстряпню и снова подмять под себя. А потом заснуть рядом, душа в своих горячих объятиях. Еще он пару раз доносил воду в бочку сам, не давая помочь и, к моему жгучему стыду, даже сам менял мое помойное ведро, так и не позволяя мне даже нос показывать на улицу. Говорит, что запах самки от меня идет очень сильный, даже странно для человечки. Плащ не до конца скрывает его, и в первый раз он учуял меня почти за километр, хотя такого быть не должно... А зем-

лянка пропитана им, а еще костром, сеном и едой, и, пока я внутри, учуять пеня издалека практически невозможно. Но, стоит выйти...

А вообще мы почти не говорим. Вернее, Гер со мной старается лишь раз не заводить беседу ни о чем, односложно отвечает на мои аккуратные, робкие вопросы, а то и вовсе молчит, сверля своим звериным золотистым взглядом.

Кто он, я не знаю. Как сюда попал?

Гер ответил, что как все, и это не имеет значения. На вопрос знает ли он моего прошлого хозяина-фрая и откуда, волк и вовсе промолчал, лишь янтарные глаза нехорошо блеснули, предупреждая больше не поднимать эту тему, и я покорно прикусила язык, кладя голову ему на грудь.

Странное желание все время ластиться к нему, вдыхать, обнимать мучает меня. Наверно это просто животный страх подспудно съедает изнутри, толкает к сильному, суровому волку. У кого еще мне искать защиты?

Неизвестность пугает хуже смерти...

Стараюсь не думать об этом, но дни летят стремительно в этом бесконечном однообразии, и вот уже через луну будет волчий совет. Гер ничего не говорил мне, но я и сама поняла две самых важных для меня вещи: на нем будет решаться моя судьба, и Гер – не главарь стаи, а значит, если его голос и важен, он не решающий.

А еще, с каждой новой закатывающейся луной Гер становится всё мрачнее и раздражительней, и страсть его имеет

какой-то иступленный, лихорадочный вкус...

И это пугает меня ещё больше... Он знает, как будет, и будто нехотя отпускает меня...

Иногда, когда он во мне, когда беспорядочно целует, прикусывая кожу, влажно сбивчиво дышит, урча, в висок, я почти верю, что он не сможет меня отпустить. Но... Наступает утро, и янтарный взгляд, пристально отслеживающий каждое мое движение, каждый вздох, вновь становится циничным и отстраненным, будто подёргиваясь пеленой. Наверно так смотрят на увядающий цветок, пока еще пронзительно прекрасный, но уже отмеченный печатью смерти. И в такие моменты я слишком остро понимаю, что не сможет он меня от своей стаи защитить...

Сегодня утром Гер принес рыбу. Даже это незначительное событие было воспринято мной с невероятным оживлением. Рыбу я не ела очень давно... В условиях полной изоляции от окружающего мира казалось, что это чуть ли не знак, вестник перемен.

– Справишься? – он кидает передо мной три увесистых серебристых рыбины, беспомощно разевающих мягкие рты.

– Да, – я искренне улыбаюсь мужчине, поднимая голову.

Наши глаза встречаются. По телу уже привычно ползет теплый покалывающий жар. Может быть, он сейчас останется со мной ещё на немного... Улыбка, задерживаясь, дрожит на губах. Янтарный взгляд гладит мое лицо, застывает, и Гер отворачивается.

Нет, уйдет.

Провожая его фигуру потухшим, немного обиженным взором до двери. Опять мне целый день сидеть здесь одной и развлекать себя мыслью о побеге. Иногда я думаю о нем, даже строю варианты. Тешу себя надеждой, что Гер соврал про мой сильный для волков запах, чтобы удержать здесь. Но решиться на то, чтобы сбежать в реальности я не могу. Плечо, хоть и зажило более-менее, но все равно все еще беспокоило меня, да и какая-то робкая иррациональная вера в то, что здесь мне безопасней, оставалась. Сидела глубоко внутри. Я еще слишком хорошо помнила, как клыки другого волка впились мне в плоть...

Судя по тому, как душно становилось в хижине, на улице сегодня была настоящая жара. Наплевав на условности, я даже не стала заворачиваться в шкуры. Кожа покрывалась бисеринками пота, волосы липли к затылку, лбу, лезли в глаза. Почистив рыбу, я развела огонь в яме- очаге с помощью трофейного огнива, но всю добычу Гера жарить не стала – слишком уж жарко было от костра. Одну рыбину приготовила для себя, остальное решила оставить до ночи.

Раньше Гер теперь все равно не придет.

Рыбина оказалась чудесной, почти без костей, с толстой бесчешуйной кожей и розовым, жирным мясом, таящим во рту. Отсутствие соли почти не ощущалось из-за обилия трав, которых, после моей жалобы, принес в хижину Гер.

Наевшись, я растянулась на соломе и прикрыла глаза,

вслушиваясь в доносящиеся снаружи живые звуки леса. Полуденной зной приглушил даже их. Ленивый пересвист птиц, усталое жужжание насекомых, едва уловимо шуршащая листва...

Я почти засыпаю, убаюканная духотой и монотонностью, как слух мой напрягается от хруста ломающихся веток. Сначала почти неслышно, потом всё громче и быстрее, держа определенный ритм. Как будто кто-то идет, а после и вовсе начинает бежать.

Прямо ко мне.

Резко сажусь на соломе, напряженно вслушиваясь. Сердце моментально заходится в груди из-за впрыснутого в кровь адреналина. Его заполошный стук мешает, дыхание срывается...

Пытаюсь успокоиться и не могу. Кто там ещё?

Страшно, так страшно...

Звуки всё ближе. Так близко, что кажется я различаю шаги и судорожное дыхание того, кто бежит. Медленно встаю, лихорадочно озираясь в поисках чего-нибудь, что может мне помочь... Взгляд падает на топорик у очага. Бесшумно крадусь к нему. Дрожащие пальцы нервно сжимают гладкую рукоять и полиматериала. Крадусь к двери. Замираю рядом с ней, вжимаясь в стену. Перестаю дышать. Уже совсем близко бежит... Прямо сюда!

Сердце уходит в пятки. Хруст веток оглушает. И вдруг раздаётся истошный женский вопль, рычание, глухой звук

падения и какая-то беспощадная возня. Треск рвущейся ткани, удары, рык и всхлипы, всхлипы, всхлипы... Такие отчаянные, тонкие, что меня начинает колотить от шока и понимания, что происходит там, прямо за дверью, в каких-то паре метров от меня.

Волк ее убьет. Он ее убьет!

И это не Гер!

Не знаю, почему я так в этом уверена. Но, кажется, я уже из тысячи смогу различить его рык... Это другой...

И он рвет свою жертву прямо тут! А что будет, когда расправится?

Учует меня?!

– Помогите! А-а-а-а... – девчонка, между тем, захлебываясь, орет.

И меня пробирает до самых костей от ее воплей. Но отправным толчком служат почему-то не ее мольбы, а мерзкий, похабный рык это чужака. словно кровавая пелена накрывает мой разум. Я больше не слышу ничего, даже собственный страх...

Пальцы впиваются в древко топора, тело еще помнит, как старый управляющий в поместье на Земле учил меня делать правильный замах, чтобы колоть бревна, если скажут...

Попросив позволения великой Матери и шепнув ей короткую молитву, толкаю дверь.

Взгляд тут же врезается в спину огромного волосатого мужика, чей образ плывет и дрожит на грани оборота, как бы-

вает с Гером, когда он сильно возбужден, и отчаянно брыкающуюся девушку под ним. Они так шумят и заняты друг другом, что совсем не замечают меня в первое мгновение. И я пользуюсь этим. Перехватываю топорик двумя руками и, подпрыгнув, чтобы увеличить свой вес, со всей силы всаживаю лезвие в затылок хрипящему зверю.

Его истошный рык, пропитанный болью, скорее удивленный, чем злой. Вервильф взвывается, оборачиваясь всем корпусом и снося меня своей могучей рукой. Я отлетаю на добрых пану метров, врезаясь спиной в ствол рядом стоящего дерева, тут же начинаю в ужасе отползать, во все глаза наблюдая за волком. Топор застрял в его шее, оружия у меня больше нет... Неужели выживет?! Нет!...

– Гер! Ге-е-ер! – тонко истерически ору, но в этом уже нет смысла.

Во-первых, он бы все равно не успел, а во -вторых, я все-таки умудрилась нанести смертельную рану. Волк- чужак находит меня своим мутнеющим янтарным взглядом, моргает один раз – другой, дрожит, окончательно оборачиваясь, и оседает на землю, дергаясь в предсмертной конвульсии, чтобы больше уже не встать. Черная густая кровь толчками выливается из разрубленной шеи, пачкая его серую шерсть. Умирая, он стал зверем, значит, был из одичавших, так?

– Спасибо.

Только сейчас перевожу глаза на девчонку, которую

невольно спасла. Та уже села и сейчас отряхивает разорванную одежду, пытается натянуть штаны с деловитым видом и избавляется от превратившегося в лохмотья красного плаща. Его движения кажутся издевательски деловитыми и точными, сама я дрожу так, что стучат зубы. Во все глаза смотрю на неё. Молоденькая совсем, худая, наверно симпатичная, но такая чумазая, что сложно сказать наверняка. Да и тут не лучшие условия для сохранения женской красоты... Одно можно сказать определенно про нее – она не похожа на насмерть перепуганную жертву, которая чудом избежала смерти. И это...странно. Левушка тем временем совсем по-простецки вытирает нос рукавом и кивает на меня.

– А ты чей-то чистая такая? Лощеная... Сама живешь тут али волчара добрый пасет? Его звала?!

Я непроизвольно оглядываю себя. Ну, по сравнению с ней чистая, да...

– Нам лучше зайти, – мотаю головой на распахнутую дверь своей землянки, – Запах...

– Твоя правда, а то набегут опять блохастые – хер отобьешься! – фыркает девушка, вставая.

Упирает руки в бока и совсем неуважительно пинает труп убитого мной волка, прежде чем достать из его шеи торчащий топор, – Только этого мордворота куда? Есть у тебя тут яма или что? Схоронить бы...

– Я... Я не знаю, – неловко поднимаюсь я вслед за ней.

– Что, не выпускает? – косится на меня девушка.

– Да, сильный запах говорит....

– Ясно, ну заходи тогда, а я сама оттащу. От меня сейчас небось так этой шавкой сейчас несет, что там уж и в упор не учуют. Я – Рона, кстати. С Верты.

– Дина, с Земли.

***

Рона заходит в хижину нескоро. Так нескоро, что я уже начинаю волноваться, переживая, не случилось ли с ней опять что, и где ходит Гер?!

Дверь характерно скрипит, и первым делом в образовавшейся щели показывается ее умытое улыбающееся лицо. Рона оказывается и правда симпатичной, хоть и очень простоватой на вид. Короткий курносый нос, щеки-яблочки, низкий лоб, крупные, рассыпью веснушки, широкий рот и щелка между передними зубами. Взгляд зеленых глаз добродушный и одновременно хитрый, намекающий на то, что их хозяйка может быть не так проста, как кажется.

– Хм, а ниче тут у вас, – Рона с любопытством оглядывает хижину Гера, когда присаживается ко мне на солому. Зеленые глаза останавливаются на мне, – Волк твой меня не обидит?

Я нервно передергиваю плечами. Откуда мне знать?!

– Может поешь сначала? У меня рыба есть, можем пожарить. А он далеко наверно ушел, раз не слышал нас. Значит придет только к ночи...

– Ну, пожарить это я всегда "за", – фыркает Рона, довольно

потирая руки, – Давай сама сделаю, валяйся пока. Вообще спасибо тебе! Не ждала! Тут уж точно каждый сам за себя...

– Да не за что... – бормочу смущенно.

Пока Рона ловко разделявает выданную ей рыбину, я заворачиваюсь в шкуры и усаживаюсь обратно на солому. Наблюдаю за ее ловкими, спорыми движениями, подтянув к себе колени и упершись в них подбородком.

– Твой тебя сразу поймал? – интересуется Рона, разжигая огонь в очаге. Ее зеленые живые глаза останавливаются на свежем шраме от клыков на моем плече, – Его работка?

– Нет, это другой... – отрицательно мотаю головой, – Когда выкинули, я несколько часов кралась по лесу, только вышла к ручью и на меня напал волк. Я его ножом пырнула, а он вот... Укусил в ответ. Загрыз бы наверно, но Гер отбил.

– Гер, значит... – бормочет себе под носом Рона, улыбаясь, а я почему-то смущаюсь и решаю увести разговор от себя и него.

– А с тобой что тут было? – интересуюсь у своей неожиданной гостьи.

– Да-а-а... Меня вышвырнули как-то проклято. В болота! – возмущается она, – Представляешь – огонь вижу, а напрямик идтить не могу! Всё бочком -бочком, буераками. Но мы на Верте люди привычные... Сама знаешь, небось, у нас не извернешься – не проживешь.

Он улыбается мне и подмигивает, продолжая.

– Ну и вот... Дня три выходила, задолбалась я... А к чет-

вертому к лесу пришла этому, да потом на хижину набрела пустую. Вот как эта совсем. Видать из одной стаи строили. Волка вообще было не видать, зато нашла запасы у него: мясо сушеное, бобы какие-то. Красота... Вот и решила переждать там первые семь лун, когда эти блохастые больше всего рыщут. У них же сходки на восьмую луну. Обычная жизнь начинается. Баб оставшихся живых делят, ну и вопросы решают. Там -то легче идти уже тогда. Ну да что я говорю, ты же наверно и сама знаешь... Да вот не дождалась... Еда кончилась, пришлось на охоту идти, хотела вот тоже рыбы наловить у ручья, он тут рядом. А за мной дикий увязался. Уж я бежала – бежала, да куда от зверя убежать. Думала все, и поймееет, и сожрет, а тут ты, спасительница моя. Спасибо тебе еще раз!

– Да не за что, – машинально отвечаю, задумавшись совсем о другом, – Слушай, а откуда ты столько знаешь про Араю и волков. Что у них сборы через семь лун, м? Ты говоришь, что я тоже должна знать, а я не знала до этого. Только от Гера услышала недавно.

– А, ты ж с Земли, – хмыкает Рона, снисходительно глянув на меня, – Я и забыла, что вам, землянкам, про сотню особо не показывают. Вы же потенциальные сосуды, детей им вынашиваете, вас берегут... А у нас-то на Верте радиация какая... Никаких сосудов нет, так что нам, чтобы знали, чем может дело кончиться, всю игру крутят как и конфедератам-высшим волкам. Запугивают типа. Прямо на все небо лазер-

ная дымка висит- показывает. Только звука нету... Но оно, знаешь, когда дикие тут баб жрут или стая толпой насильничает на обряде – оно и без звука понятно...

Рона как-то странно, нервно улыбается, скользнув по мне зелеными глазами, и снимает поджаренную рыбу с огня.

– Будешь?

– Нет, – после ее слов даже вид еды вызывает у меня легкую тошноту, слюна становится горькой, – Рона, расскажи мне лучше побольше про Араю. Я только слухи знаю, нам и правда саму сотню не транслировали, а Гер...кхм...волк не говорит толком ничего.

– А шо тут рассказывать – бежать надо, – ворчит Рона с набитым ртом. Опускается рядом со мной на солому и с видимым удовольствием быстро расправляется с едой, – Вот сейчас доедим и рванем, да?

– Сейчас? – я округляю глаза от неожиданности. Я как-то не была готова к такому повороту. Рассеянно озираюсь по сторонам, осматривая хижину, и она вдруг кажется почти родной, знакомой, безопасной по сравнению с темным лесом, кишашим одичалыми волками...

– Или с волком своим понравилось? – немного презрительно цедит Рона, в первый раз взглянув на меня свысока, – Ну, так он все равно тебя на тот свет спровадит, чтобы сейчас не пел. Только Огонь – наш шанс. Хочешь помирать ради вшивого пса – твоё дело. Я не собираюсь.

– Рона, а как это происходит вообще? – решаю я все-таки попытаться, – Ты говорила обряд какой-то будет после совета? Расскажи...

– Эх, и откуда только ты такая невежда на мою голову. Простых вещей не знаешь, – хмыкает она, сдувая прядку, упавшую на лицо и опять вгрызаясь в рыбу.

– Да, не знаю. На Земле я всю жизнь в доме наместника вервульфа прижила прислугой, а потом меня сосудом отравили на Вельдан. Только слухи и ходили, один другого страшнее про сотню, а чему верить, что правда... Я и не знаю ничего. Знаю только про Огонь да что не выжить тут. А почему, как... Расскажи.

– Ну, так тут просто всё. Волков на Арае много, сбрасывают их сюда со всех уголков Великой Конфедерации, всех, кто хоть чуть-чуть знатен. Простых-то так убивают свои же, их и не считает никто... Большинство тут дичает... Цивилизации нет, баб нет, условия суровые, зверем и выжить легче. Да только одичавший волк – он же тупой совсем, все равно, что та собака на цепи. Злой и дурной. Животное. Потому некоторые тут стараются сохранить человеческий облик, чтобы последние мозги не просра... Ну, ты поняла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.